DOI: 10.15593/perm.kipf/2021.1.08
УДК 28-73:392.31(571.120)

РОДСТВО В СТРАТЕГИЯХ ОБРЕТЕНИЯ И ОСПАРИВАНИЯ ИСЛАМСКОГО АВТОРИТЕТА (ТЮМЕНСКИЙ СЛУЧАЙ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВЕКОВ)

М.С. Черепанов

Тюменский научный центр Сибирского отделения РАН, Тюмень, Россия

О СТАТЬЕ

Получена: 19 января 2021 г.
Принята: 01 марта 2021 г.
Опубликована: 15 апреля 2021 г.

Ключевые слова:

ислам, родство, авторитет, исламский авторитет, мусульмане, татары, Тюменская область, Сибирь.

АННОТАЦИЯ

Одной из важных научных тем, в рамках которых изучаются причины и процессы складывания мировоззренческого разнообразия, является исследование авторитета. Ученые описывают специфику и последствия его использования, выявляют факторы обретения, поддержания и утраты в тех или иных социально-исторических условиях. Рассмотрена роль родства в стратегиях обретения и оспаривания исламского авторитета в среде татар-мусульман Тюменской области на рубеже XX–XXI веков.

Основными источниками послужили материалы, собранные автором во время полевых исследований 2000-х годов в городах и сельских поселениях Тюменской области. Для сбора материала использовались методы неструктурированного наблюдения и интервью по «мягкому» опроснику. Для его анализа – метод обоснованной теории (grounded theory).

Кратко описан процесс умножения позиций исламского авторитета в регионе с конца 1980-х годов. В качестве основных определены: муллы, абыстай, хранители астана, организаторы религиозных обрядов из числа местных жителей, улемы, имамы, исламские политические активисты. Утверждается, что эти позиции представляют собой специфические совокупности свойств, обеспечивающие способность влиять на связи мирян со сверхчувственным миром. Обнаружено, что в среде татар-мусульман Тюменской области родство является одним из таких свойств. Выявлены закономерности усиления/ослабления его влияния в структуре исламского авторитета. В частности, наибольшее значение родство имеет для таких позиций, как мулла, хранитель астана и начинающий имам. Его воздействие усиливается в условиях достаточного числа и ослабевает при нехватке религиозных специалистов в той или иной локальности. Без «знания исламской доктрины, обрядов и арабского языка», «сопричастности к жизни мирян» родственные связи перестают работать в пользу исламского авторитета.

© ПНИПУ

© **Черепанов Максим Сергеевич** – кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт проблем освоения Севера, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2246-1329>, e-mail: maximcherepanov@yandex.ru.

© **Maksim S. Cherepanov** – Candidate of Science in Politics, Senior Researcher, Institute of the Problems of Northern Development (IPOS), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2246-1329>, e-mail: maximcherepanov@yandex.ru.

Статья выполнена по госзаданию согласно проекту № AAAA-A17-117050400150-2.

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

KINSHIP IN THE STRATEGIES OF EARNING AND CHALLENGING ISLAMIC AUTHORITY (A TYUMEN CASE-STUDY AT THE TURN OF THE XX–XXI CENTURIES)

Maksim S. Cherepanov

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS, Tyumen, Russian Federation

ARTICLE INFO

Received: 19 January 2021

Accepted: 01 March 2021

Published: 15 April 2021

Keywords:

Islam, kinship, authority, Islamic authority, Muslims, Tatars, Tyumen Region, Siberia

ABSTRACT

The study of authority is of great importance because it is a way of understanding why and how the worldview diversity is formed. The scholars describe the specific character and consequences of the use of authority; identify the factors which determine its acquisition, maintenance, and loss in certain social and historical conditions. The role of kinship in the strategies of earning and challenging Islamic authority among the Muslim Tatars living in Tyumen Region at the turn of the XX–XXI centuries has been considered in this article..

The article is based on the materials collected by the author during field research in the 2000s in urban and rural settlements of Tyumen Region. Methods of unstructured observation and interviews with a flexible questionnaire were used to collect the materials. We have used the grounded theory procedure to analyze them.

In the article it is briefly described how the positions of Islamic authority have multiplied in the region since the late 1980s. The following main positions were identified: mullahs, abystai, astana keepers, organizers of religious rituals from among the residents, Ulema, imams, Islamic political activists. It is argued that these positions represent a specific set of characteristics that enables the bearers of authority to influence the connection between the laity and the supernatural world. Regarding the Muslim Tatars of Tyumen Region, it has been singled out the kinship as one of these characteristics. The patterns of strengthening / weakening its influence in the structure of Islamic authority were revealed. In particular, kinship plays a crucial role for mullahs, astana keepers, and apprentice imams. The role of kinship increases when there are enough religious specialists in a particular place and weakens when there is a lack of them. On the other hand, kin ties stop being an advantage for Islamic authority of a religious specialist, if he doesn't know "Islamic doctrine, rituals and the Arabic language" or isn't "engaged with the laity".

© PNRPU

У нас, видишь, в деревне как: у меня там своих три тетки старые
и жены две тетки – это большая армия для деревни.

Имам, татарин, 1964 г.р.

Введение

Исследование авторитета является сложившейся темой в области исламоведения. Это одно из тех направлений, с помощью которого ученые объясняют причинность умножения, изменения, исчезновения исламского дискурса в тех или иных социально-исторических условиях [1; 2; 3, с. 270–283].

Большинство авторов рассматривают религиозный/исламский авторитет как «знание, позволяющее говорить от имени Бога» [4, с. 19, 23; 2], как «способность убеждать единоверцев в своем особом доступе к божественной власти» [5, с. 176] либо как «право на производство предписаний» [1, с. 48, 57] и/или «на самостоятельное исследование Божественного откровения» [3, с. 283–285].

Одним из существенных аспектов в исследовании исламского авторитета, наряду с изучением специфики и последствий его использования, является выявление того, что именно позволяет его обретать, утверждать, поддерживать и почему он исчезает в конкретных социально-исторических условиях. Одни ученые в качестве основных факторов выделяют технологические и социально-экономические изменения, связанные с индустриализацией и постиндустриализацией. Они приходят к выводам, что во многом благодаря именно этому запустился процесс умно-

жения исламского авторитета, когда наряду с позициями улемов на сцену интерпретации Откровения и выступления от лица ислама выходят миряне [6; 7]. Другие авторы утверждают, что умножение авторитета присуще исламу как историческому и человеческому явлению и проявлялось в спорах между исламскими философами, поэтами, юристами, суфиями и многими другими на протяжении долгих веков [3]. В целом, определяя исламский авторитет через «знание», «способность» и «право», исследователи на различном материале приходят к выводу о его фрагментации, то есть увеличении числа акторов, выступающих от лица Бога, ислама и мусульман.

На наш взгляд, изучение причин обретения и утраты авторитета позволяет также увидеть, как он усложняется спецификой локального социального контекста, становясь в тех или иных условиях уникальным явлением. Однако для выполнения этой задачи определения исламского авторитета только как «знания», «способности» или «права» недостаточно.

С целью увеличить аналитический потенциал данной категории мы прибегаем к достижениям исследователей из разных областей социальных и гуманитарных наук. Во-первых, мы опираемся на подход А. Шахаба, утверждающего, что ислам возникает как смысл, язык и практика в ходе герменевтического взаимодействия с откровением пророку Мухаммеду. Однако это взаимодействие происходит с различными источниками истины, с помощью широкого спектра средств и производит широкий спектр значений. Ислам является полным набором этих источников, средств и полем этих значений [3, с. 323, 345, 367, 404]. Во-вторых, мы используем определения В.Г. Ледяева, предложившего понимать власть как способность субъекта обеспечить подчинение объекта в соответствии со своими намерениями [8, с. 105], а авторитет как форму власти, при которой подчинение объекта субъекту осуществляется в силу наличия у последнего неких свойств или статуса [9, с. 7]. В-третьих, учитывая специфику структуры религиозных отношений как пространства, где власть осуществляется¹, мы вкладываем в категории «исламская власть», «исламский авторитет» и «позиция исламского авторитета» следующие смыслы.

Исламская власть – способность субъекта влиять (поддерживать или менять) на связи (представления, язык и практики) объекта со сверхчувственным миром, определяемым в терминах откровения пророку Мухаммеду.

Исламский авторитет – форма исламской власти, при которой способность субъекта влиять на связи объекта со сверхчувственным миром, определяемым в терминах откровения пророку Мухаммеду, обеспечивается наличием у первого неких свойств или статуса.

Позиция исламского авторитета – совокупность свойств субъекта, обеспечивающая способность влиять на связи объекта со сверхчувственным миром, определяемым в терминах откровения пророку Мухаммеду.

Таким образом, касаясь вопроса, что именно позволяет обретать, утверждать, поддерживать исламский авторитет и почему он исчезает, мы сосредотачиваемся в первую очередь на рассмотрении того, какие социальные свойства его обеспечивают в конкретных социокультурных условиях. И в качестве одного из них мы рассматриваем родство, поскольку это свойство продолжает играть важную роль не только в традиционных, но и в современных обществах, поддерживая важные каналы перемещения серьезных ресурсов.

В данной статье мы хотели бы рассмотреть роль родства в стратегиях обретения и оспаривания исламского авторитета в среде татар-мусульман Тюменской области². Сначала мы

¹ В качестве ориентира по вопросу специфики структуры религиозных отношений для нас выступала концепция религиозного поля П. Бурдьё [10].

² «Регионом», «Тюменским регионом», «Тюменской областью» в данной статье обозначается юг Тюменской области (без автономных округов) – территориально-административное образование, включающее 6 городских округов (Тюмень, Тобольск, Ишим, Ялуторовск, Голышмановский, Заводоуковский городские округа) и 20 муниципальных районов (Прим. – М.Ч.).

Более подробно о специфике родства в среде татар юга Тюменской области см.: [11, с. 31–37].

покажем разнообразие позиций исламского авторитета, сложившееся в регионе в позднесоветский и постсоветский периоды. Затем мы остановимся на том, какую роль играет родство в отношениях, связанных с исламским авторитетом.

Основными источниками послужили материалы, собранные автором в период полевых исследований 2000-х годах. В Тюмени (2014, 2018, 2019), Тобольске (2013, 2014, 2018), Ялуторовске (2011, 2015), в Тюменском (2013), Тобольском (2018), Вагайском (2019), Ярковском (2019), Ялуторовском (2011) районах Тюменской области. Для сбора материала использовались методы неструктурированного наблюдения и интервью по «мягкому» опроснику [12, с. 166–167]. Для анализа материала использовался метод обоснованной теории (grounded theory) [13].

Умножение позиций исламского авторитета

Одним из российских регионов, заметная часть жителей которого считает себя мусульманами, является юг Тюменской области. Ислам исторически представлен в культуре местного населения, определяемого в современной этнографической и исторической литературе как сибирские татары, западно-сибирские казахи и поволжско-уральские татары [14, с. 7–19; 15, с. 12]. По результатам переписи 2010 года, жители Тюменской области, идентифицировавшие себя с татарами (в том числе с сибирскими и поволжско-уральскими), составляли 239 995 человек (7,5 % от численности всего населения). Из них 178 773 проживали в городах, а 61 222 – в сельской местности [16, с. 7–10]. Результаты социологических замеров религиозности продемонстрировали, что 60,8 % татар, проживающих на территории юга Тюменской области, определяли себя в качестве мусульман [17, с. 158].

По воспоминаниям респондентов, на юге Тюменской области в 1970–1980-е годы значительная часть татарского населения участвовала в исполнении исламских обрядов. В основном это были люди старше 60 лет. Они исполняли индивидуальные намазы в своих домах, приглашали к себе религиозных специалистов для чтения Корана, проводили коллективные молитвы в домах односельчан-единоверцев, соблюдали пост в месяц Рамадан. Однако преследования со стороны властей, закрытие мечетей заставляло большую часть обрядов проводить приватно, либо, в случае коллективных собраний, держать в тайне.

«Хатым-аши³ были и никогда не исчезали. Просто не проводились... намазы праздничные на Ураза, на Курбан – намазы собирают <...>, многолюдно же. Не было потому что мечетей... Раньше ходили все, кому было за 60: все бабки, старики. И также читали намазы дома, помню, только одни старушки и старики» (имам, татарин, 1960 г.р.). [Полевые материалы экспедиции автора в г. Тюмень. – Февраль, апрель 2019 г.]

«Наши деды, наши отцы ходили в отдельные дома. Они скрытно читали намазы. Скрытно это все было раньше... Они хатым проводили все – вся деревня проводила. А вот по пятницам дедушки и бабушки собирались отдельно (председатель мусульманской организации, татарка, 1944 г.р.). [Полевые материалы экспедиции автора в сельские поселения Ярковского района Тюменской области. – Июль-август 2019 г.]

«Дед в Аремзянах (населенный пункт в Тобольском районе Тюменской области. – М.Ч.) двухэтажный дом имел. Когда мечеть закрыли..., проводил эти праздники у себя. Помню, два этажа занимал народ, и во дворе еще – это в праздники народ собирался. Почему его не арестовывали, я не знаю» (председатель мусульманской организации, татарка, 1941 г.р.). [Полевые материалы экспедиции автора в г. Тюмень. – Февраль 2018 г.]

³ Хатым-аш – домашнее молитвенное собрание, включающее жертвоприношение (в зависимости от повода), произнесение нията, рецитацию сур Корана, произнесение коллективного дуа, раздачу садака и коллективную трапезу. Подробнее об этом ритуале см.: [18].

Основными позициями исламского авторитета, сложившимися на территории региона к концу 1980-х годов, были *муллы*⁴, *абыстай* (начитанные женщины)⁵, *хранители астана* (мавзолеев)⁶ и *организаторы религиозных обрядов из числа местных жителей*. Общим для них было то, что они существовали вне связей с религиозными институтами; персоны, имеющие этот статус, не получали специального исламского образования, содержались за счет населения, в среде которого осуществлялась их деятельность. Они воспроизводили как общие, так и специфические для каждой местности региона смыслы и практики, ассоциированные с исламом [23, с. 156–157].

Мусульмане, родившиеся на территории региона, отвечая на вопрос, каким образом ислам присутствовал в их повседневной жизни, достаточно часто вспоминали о встречах с муллами в детстве. Однако эти религиозные специалисты жили не во всех населенных пунктах. Зачастую они приходили из соседних мест.

«У нас в деревне... в четверг-пятницу... ходил местный, ну, скажем, мулла, он ходил по домам и читал... аяты, суры из Корана. Заходил в дом, садился. Если родители... на работе были, как обычно..., они наказывали нам, детям: вот придет такой-то бабай, вот, например, яичко, вот мука, вот молоко – то, что в доме было. С деньгами туго было, поэтому продуктами с ним рассчитывались. Он ходил с котомкой, ему там нагружали, вот так деревню обходил» (помощник имама, татарин, 1951 г.р.). [Полевые материалы экспедиции автора в г. Ялуторовск и сельские поселения Ялуторовского района Тюменской области. – Июль-август 2011 г.]

«Намаза не было. Здесь в деревне именно. Мы приглашали сначала Фатуллу – дедушку, с Алги (населенный пункт в Тобольском районе Тюменской области – М.Ч.) привозили его. Он старый, на одной ноге. Приходишь, на кладбище везешь его, он, бедный, на гору вскарабкивался» (имам, татарин, 1950 г.р.). [Полевые материалы экспедиции автора в сельские поселения Ярковского района Тюменской области. – Июль-август 2019 г.]

«В нашей деревне не было дефицита в муллах. Всегда тут мулла был. Почему? Потому что первая причина – это дорога, труднодоступность. Никому неохота было (из представителей органов власти ездить в деревню – М.Ч.) – там 20–30 домов деревушка (имам, татарин, 1956 г.р.). [Полевые материалы экспедиции автора в сельские поселения Ярковского района Тюменской области. – Июль-август 2019 г.]

В тех местах, где мулл не было и куда они не приходили, обряды проводили абыстай и другие местные жители, знавшие, как проводятся те или иные обряды.

«...в Инжуре, когда училась, дед там был, который немножко арабский знал, он был муллой. Он десять ли лет, а может, и больше был (до конца 1980-х. – М.Ч.). После того бабушка одна, Асия ее звали... Она тоже престарелая была, но тоже ходила, читала (проводила хатым. – М.Ч.) здесь. Потом ее сестра (председатель мусульманской организации, татарка, 1957 г.р.). [Полевые материалы экспедиции автора в сельские поселения Вагайского района Тюменской области. – Февраль-март 2019 г.]

«...хатымы проводили – мужик один..., до него еще женщины проводили. (Со временем) никого (ни мужчин, ни женщин, которые могли проводить обряды. – М.Ч.) не стало, даже в последний путь проводить, прочитать намаз – никого не стало» (имам, татарин, 1950 г.р.). [Полевые материалы экспедиции автора в сельские поселения Ярковского района Тюменской области. – Июль-август 2019 г.]

⁴ В среде мусульман Тюменской области понятия «мулла» и «имам» зачастую употребляются в качестве синонимов. В данной статье автор различает эти понятия по критериям отсутствия/наличия религиозного образования, самостоятельности/включенности в исламские институты (Прим. – М.Ч.).

⁵ Интересные сюжеты об абыстай в Тюменской области описываются в работах В. Ключевой [19, с. 119–120] и К. Кабдулвахитова [20, с. 155].

⁶ Более подробные сведения о феномене астана и их хранителях в Тюменской области можно найти в: [21, 22].

«Нас в деревне трое пятидесятилетних, кто занимается этим (проводит исламские обряды – М.Ч.). А этим, старикам, видать, неохота отдавать (место в религиозной деятельности. – М.Ч.): “Вот вас не было, и бабки читали, и имя давали, и никах читали”. Я им говорю, что женщина не может имя давать. Она: “Как не давала, вон я полдеревне давала”» (имам, татарин, 1964 г.р.). [Полевые материалы экспедиции автора в г. Тюмень. – Февраль, апрель 2019 г.]

Также определенную, структурирующую религиозные ритмы и пространство деятельность проводили хранители астана.

«Раньше за рекой бабушка жила. Она постоянно принимала от людей садака на них (покойных на астана – М.Ч.). Она собирала садака, собирала мулл, раньше, когда я маленький был, она меджлис делала на них» (имам, татарин, 1962 г.р.). [Полевые материалы экспедиции автора в сельские поселения Вагайского района Тюменской области. – Февраль-март 2019 г.]

«У нас астана еще есть, где священные (шейхи – М.Ч.) лежат тоже... Были у нас бабушки, которые присматривали за этой астаной. Молитвы они читали (имам, татарин, 1962 г.р.). [Полевые материалы экспедиции автора в г. Тюмень. – Февраль, апрель 2019 г.]

В начале 1990-х годов, при наличии прежних позиций исламского авторитета стали формироваться новые: *улем* и *имам*. Общим для них было то, что эти люди имели специальное религиозное образование, создавали либо включались в уже действующие региональные, российские, международные исламские институты. Их попытки централизации религиозной власти с целью обеспечения единообразия исламских смыслов и практик привели к еще большей ее фрагментации, увеличив догматико-обрядовое многообразие ислама. К уже существовавшим вариациям народного ислама стали прибавляться все более оформлявшиеся вариации различных школ суфизма, а также версии салафизма, отвергавшие все практики и смыслы, не обоснованные Кораном, Сунной и фетвами авторитетных, в основном зарубежных, богословов. Кроме того, в начале XXI века в регионе локализуется и шиитская интерпретация исламского вероучения, привлекающая сторонников в том числе из среды татар-мусульман [23, с. 157–159].

Наряду с этим с конца 1990-х годов складывалась еще одна, новая для религиозного поля региона позиция – *исламские политические активисты*. В отличие от улемов и имамов, они не имели религиозного образования, однако в ходе самообразования и постоянного общения в мусульманской среде получали дискурсивное знание о значимых темах и спектре существующих мнений. Исламские политические активисты, как правило, независимы от улемов и имамов, имеют собственные связи с местными и/или зарубежными исламскими институтами [23, с. 159–160].

Таким образом, в Тюменской области с конца 1980-х годов начался процесс умножения позиций исламского авторитета, повлекший рост интерпретаций вероучения. При этом каждая из названных позиций представляла собой специфическую (с различными объемами и сочетаниями) совокупность свойств, обеспечивавших способность влиять на связи со сверхчувственным миром. Среди этих свойств можно выделить *знания исламской доктрины, обрядов и арабского языка, пол, возраст, статус хаджи (мусульманин, совершивший паломничество в Мекку); статус ученых-учителей, репутация праведника, сопричастность к жизни мирян, ориентация в реалиях социокультурного контекста*. Наряду с этим в ходе нашего исследования в среде татар-мусульман, проживающих в Тюменской области, выявлена значимость и такого свойства, как родство.

Родство в стратегиях обретения исламского авторитета

Нами установлено, что родство играет важную роль в обосновании муллами и имамами своего права/обязанности заниматься религиозной деятельностью. Так, значительная часть

опрошенных религиозных специалистов являлась детьми или внуками мулл. На вопрос, как они приняли решение стать муллами/имамами, они, как правило, ссылались на это.

«Раз мой отец занимался этим, а был он инвалидом 2-й группы войны, и если я не буду ходить в эту мечеть, кем меня называть потом будут? Так я поневоле вынужден был идти по этому пути... И вот, если не буду в мечеть ходить, что люди скажут: “Твой отец, инвалид, пешком с деревни N ходил”. Дороги тогда еще не было, и он где на попутной, где пешком на пятничный намаз ходил. А я сейчас машину имею, и если не буду ходить, то перед Аллахом буду самый последний. Вот я этого и придерживаюсь. Десять лет я уже на этом пути» (мулла, татарин, 1945 г.р.). [Полевые материалы экспедиции автора в г. Тобольск и сельские поселения Тобольского района Тюменской области. – Февраль-март 2018 г.]

Кроме того, в обоснованиях права/обязанности быть муллой/имамом определенной местности для респондентов было существенно то, насколько давно в населенном пункте живут его родственники.

«...у нас идет по роду: у меня отец мулла был в деревне. Потом после отца и я как-то... Они (представители другого рода. – М.Ч.) уже своих поднимают (помогают добиться успеха в религиозной деятельности. – М.Ч.). По родословной, у кого родственники верующими были. Моих в 1937 г. расстреляли... А дед их рода раньше пришел в деревню X (имам, татарин, 1964 г.р.). [Полевые материалы экспедиции автора в г. Тюмень. – Февраль, апрель 2019 г.]

Обязанности хранителя астаны, по представлениям опрошенных респондентов, должны передаваться своим потомкам. Также, за неимением наследников, эта ответственность может быть возложена на более достойных земляков, в том числе родственников из других родов.

«Насчет астаны надо заметить, что сачара (рукописное историко-генеалогическое предание. – М.Ч.) там прервалась, то есть родословная прервалась, хранителей нет. Мы предполагаем примерно, чей род смотрел за этой астаной. Почему? Потому что чужой, если будет смотреть, это ему не на пользу, а во вред и здоровью может быть..., поэтому они приходят, когда их забывают, к тем своим представителям ихнего рода..., в сон приходят» (захороненные на астана шейхи сняты тем людям, чей род является хранителем астана, если эти люди долго не навещают астана и не следят за ней – М.Ч.) (имам, татарин, 1957 г.р.). [Полевые материалы экспедиции автора в сельские поселения Ярковского района Тюменской области. – Июль-август 2019 г.]

«Вот бабушка на джума-намаз приходила. Она после Курбан-байрам отмечает: курбан режет и всех зовет... Мама мужа передала: «Тебе, – говорит, – доверяю. Каждый год... Мне, – говорит, – доверили. До меня, – говорит, – доверяли каждый год вот это все справлять для хорошего человека. Имя, – говорит, – мы не знаем. Но все равно передается из поколения в поколение. Вот, она тоже уже старая и говорит, что будет искать, кому передать это» (мать мужа передала ей обязанности проводить ритуал после своей смерти – М.Ч.) (имам, татарин, 1957 г.р.). [Полевые материалы экспедиции автора в сельские поселения Ярковского района Тюменской области. – Июль-август 2019 г.]

Далее нами определено, что родство играет важную роль в расширении сетей потребителей религиозных услуг в период начала карьеры мулл и имамов. Так, зачастую карьера религиозного специалиста начинается с проведения домашних молитвенных собраний у родственников. И поэтому география деятельности мулл и имамов чаще всего совпадает с картой расселения их родственников.

«И начал потихоньку деятельность имама. Здесь, в городе, меня начали приглашать на хатымы. Сначала родственники. Потом в мечети здесь один бабай... меня пригласил на цым (ежегодный весенний день памяти родителей, сопровождающийся уборкой кладбища. – М.Ч.), в Турбинские (д. Турбинская Тобольского района Тюменской области. – М.Ч.). Съездили

с ним. На следующий год он меня опять пригласил. Я там с людьми познакомился, место мне понравилось. И начал я к ним ездить» (имам, татарин, ок. 1970 г.р.). [Полевые материалы экспедиции автора в г. Тобольск и сельские поселения Тобольского района Тюменской области. – Февраль-март 2018 г.]

«А из других деревень к вам приезжают? Приезжают. Родственники, в основном. Из Тукуза (с. Тукуз Вагайского района Тюменской области – М.Ч.), из Большого Увайта (имеется в виду один из населенных пунктов около озера Большой Увайт Вагайского района Тюменской области – М.Ч.). Вы обряды проводите в других деревнях? В Осиновских был недавно (д. Осиновская Вагайского района Тюменской области – М.Ч.). В Тобольске тоже брат помер, проводил. Это с родственниками связано? Ну, да. В Катангье (д. Катангуй Вагайского района Тюменской области – М.Ч.) у них имама не было, сестра жены звала. В Дубровном (с. Дубровное Вагайского района Тюменской области – М.Ч.) жены родственники тоже звали» (имам, татарин, 1964 г.р.). [Полевые материалы экспедиции автора в г. Тюмень. – Февраль, апрель 2019 г.]

Также нами установлено, что благодаря родству, а именно тому, что отцы были муллами/имамами, часть религиозных специалистов молодого возраста приобретает в народе репутацию более способных к усвоению исламских знаний в силу «наследственности»/«крови», а также получают доступ к общинам верующих, где проповедал их родитель. Так, в ходе исследования мы познакомились с тремя молодыми имамами, которые с детства присутствовали на исламских обрядах, проводившихся их отцами, а затем, получив исламское образование, стали проводить молитвенные собрания в этой среде. Нужно отметить, что это одни из самых востребованных имамов в регионе. К ним обращаются за советом другие религиозные специалисты, они имеют самые широкие сети потребителей религиозных услуг.

Родство в стратегиях оспаривания исламского авторитета

Кроме использования в стратегиях обретения исламского авторитета, мы обнаружили, что родство является причиной и средством оспаривания исламского авторитета. В частности, на это указали два случая, описанные респондентами.

Первый случай произошел в деревне X, куда после нескольких лет отсутствия приехал местный житель, получивший исламское образование. В этой же деревне проживала группа родственников, заинтересованных в том, чтобы муллой в этом населенном пункте был представитель их рода. Как результат, в ходе домашних молитвенных собраний, которые проводил образованный имам, имели место акты оспаривания его авторитета. Как правило, они были связаны с несогласием женщин преклонного возраста следовать рекомендациям имама.

«Она (женщина преклонного возраста. – М.Ч.) мне (имаму. – М.Ч.) сказала: “Отсюда вы все мужики у нас повылазили”. Я раскраснелся и больше ничего не говорил... А они себе позволили себя так вести, потому что все свои были или они бы так сделали вне зависимости от того, кто там присутствовал? Если бы у меня мама была жива, они бы такое не сказали”» (имам, татарин, 1964 г.р.). [Полевые материалы экспедиции автора в г. Тюмень. – Февраль, апрель 2019 г.]

«Помните, вы мне вчера про бабушек рассказывали: вы говорите, как надо, а они вам аргумент приводят, чтобы по-своему делать? Они так делают, потому что они из известного рода или из-за чего-то другого? Потому что бабки, они хотят свой род поднять, понимаешь? Они же видят, кто занимается... Я им говорю одно – как по книге (Корану. – М.Ч.), а они, чтобы свой род поднять, своих поднять... Ихний род уже, считай, кончается... Наш род, мужики, сейчас поднимется» (имам, татарин, 1964 г.р.). [Полевые материалы экспедиции автора в г. Тюмень. – Февраль, апрель 2019 г.]

Второй случай связан с конкуренцией двух мусульманских организаций за сельскую общину. На одном из собраний в деревенской мечети, где должно было приниматься решение, в какую организацию войдет община, оказались представители конкурирующих институций. Их оппонирование, несмотря на то, что это были образованные, статусные персоны, началось с того, что «он мне говорит: “Ты кто здесь [в деревне.]? Я, например, зять тех-то”. А я отвечаю: “А я зять тех-то”» (имам, татарин, 1958 г.р.). [Полевые материалы экспедиции автора в г. Тобольск и сельские поселения Тобольского района Тюменской области. – Февраль-март 2018 г.]

В данной статье мы стремились показать специфику исламского авторитета в среде татар-мусульман Тюменской области, усложняемого значимостью родства. Однако нельзя не отметить, что это свойство является скорее вспомогательным. Без *знания исламской доктрины, обрядов и арабского языка, сопричастности к жизни мирян* родственные связи перестают работать в пользу исламского авторитета. Об этом говорят случаи, когда, несмотря на наличие родственника-муллы, люди отдают предпочтение другим религиозным специалистам.

«Бывает так, что люди просто отчитают и уйдут, а другие, напротив, останутся, поговорят, объяснят. Если люди сталкивались с тем, что имам дал совет, а это оказалось ошибкой (например, другие имамы говорят иначе), к нему больше не обратятся. Случается так, что в роду есть имам, но обращаются к другим» (имам, татарин, 1978 г.р.). [Полевые материалы экспедиции автора в г. Тобольск и сельские поселения Тобольского района Тюменской области. – Февраль-март 2018 г.]

Заключение

Таким образом, в среде татар-мусульман Тюменской области наряду со знанием исламской доктрины, обрядов и арабского языка, полом, возрастом, статусом хаджи, статусом ученых-учителей, репутацией праведника, сопричастностью к жизни мирян, ориентацией в реалиях социокультурного контекста значимым свойством, составляющим исламский авторитет, является родство. Это свойство имеет особую ценность для таких позиций, как мулла, хранитель астана, а также имам, начинающий формировать сеть потребителей религиозных услуг. Однако, если авторитет уже сложился, значение родственных связей для его увеличения пропадает. Кроме того, можно говорить, что родство имеет значение в условиях конкуренции, когда на одной территории действует более одного религиозного специалиста. В условиях нехватки мулл и имамов значение этого свойства для авторитета также пропадает. И, наконец, мы можем говорить о том, что родство является скорее вспомогательным свойством. Без «знания исламской доктрины, обрядов и арабского языка», «сопричастности к жизни мирян» родственные связи перестают работать в пользу исламского авторитета.

Список литературы

1. Асад Т. Идея антропологии ислама // Islamology. – 2017. – № 1. – С. 42–60.
2. Kemper M. Religious Political Technology: Damir Mukhetdinov's 'Russian' Islam' // Religion, State & Society. – 2019. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09637494.2019.1571331> (accessed 18 January 2021).
3. Shahab A. What is Islam? The Importance of Being Islamic. – Princeton and Oxford: Princeton University Press. 2016. – 609 p.
4. Марей А.В. Авторитет, или Подчинение без насилия. – СПб.: Изд-во Европ. Ун-та в Санкт-Петербурге, 2017. – 148 с.
5. Hunwick J. Secular Power and Religious Authority in Muslim Society: The Case of Songhay // The Journal of African History. – 1996 – Vol. 37, no. 2. – P. 175–194.

6. Robinson F. Crisis of Authority: Crisis of Islam? // *Journal of the Royal Asiatic Society*. – 2009. – Vol. 19. – No. 3 – P. 339–354.
7. Amin H. British Muslims Navigating Between Individualism and Traditional Authority // *Religions*. – 2019. – No. 10 (6). – P. 1–15. DOI: 10.3390/rel10060354
8. Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ // *Полис. Политические исследования*. – 2000. – № 1. – С. 97–107.
9. Ледяев В.Г. Формы власти: типологический анализ // *Полис. Политические исследования*. – 2000. – № 2. – С. 6–18.
10. Бурдые П. Генезис и структура поля религии // *Социальное пространство поля и практики* / Н.А. Шматко. – М.: Ин-т экспер. социол.; СПб.: Алетейя, 2007. – С. 7–75.
11. Бакиева Г.Т., Квашнин Ю.Н. Тоболо-иртышские татары (историко-этнографические очерки); Институт проблем освоения севера Сибирского отделения Российской академии наук. – Тобольск, 2009. – 60 с.
12. Качественные методы. Полевые социологические исследования / И. Штейнберг, Т. Шанин, Е. Ковалев, А. Левинсон. – СПб.: Алетейя, 2009. – 352 с.
13. Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 256 с.
14. Ислам в истории и культуре Тюменского края (в документах и материалах) / под ред. И.Б. Гарифуллина, А.П. Яркова. – Тюмень: Экспресс, 2004. – 173 с.
15. Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Сибирский ислам: региональный вариант религиозно-го синкретизма. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археол. и этногр. СО РАН, 2004. – 72 с.
16. Итоги Всероссийской переписи населения – 2010. Ч. 3. Т. 1. Национальный состав и гражданство населения в Тюменской области. Тюменская область. Тюменская область (без автономных округов) / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. – Тюмень, 2013. – 175 с.
17. Татары Тюменской области: история и современность / Н.Г. Хайруллина, Р.Х. Насыров, В.С. Ташкалова, З.А. Тычинских. – Тюмень: Вектор бук, 2011. – 310 с.
18. Черепанов М.С. Ритуал «хатым-аш»: опыт и перспективы исследования локального исламского контекста // *Вестн. археол., антроп. и этногр.* – 2020. – № 4 (51). – С. 228–236.
19. Ключева В.П. Жизнь в атеистическом государстве: мусульманские общины Тюменской области (1940–1960-е гг.) // *Вестн. археол., антроп. и этногр.* – 2009. – № 10. – С. 117–121.
20. Кабдулвахитов К. По следам тюменских шейхов: историческое расследование. – Тюмень: Типография «Печатник», 2005. – 238 с.
21. Рахимов Р. Институт Астаны // *История и культура татар Западной Сибири* / отв. ред. Г.Ф. Габдрахманова / Ин-т ист. им. Ш. Марджани АН РТ. – Казань, 2015. – С. 519–532.
22. Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Белич И.В. Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. – М.: ИД Марджани, 2009. – 216 с.
23. Бобров И., Черепанов М. Фрагментация религиозной власти в исламе (тюменский случай на рубеже XX-XXI в.) // *Вестн. антроп., археол. и этногр.* – 2017. – № 2 (37). – С. 155–162.

References

1. Asad T. Ideia antropologii islama [The Anthropology Idea of Islam]. *Islamology*, 2017, no. 1, pp. 42–60.
2. Kemper M. Religious political technology: Damir Mukhetdinov's 'Russian' Islam'. *Religion, State & Society*, 2019, available at: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09637494.2019.1571331> (accessed 18 January 2021).
3. Shahab A. What is Islam? The Importance of Being Islamic. Princeton and Oxford, Princeton University Press, 2016, 609 p.
4. Marei A.V. Avtoritet, ili Podchinenie bez nasillia [Authority, or Submission Without Violence]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2017, 148 p.

5. Hunwick J. Secular Power and Religious Authority in Muslim Society: The Case of Songhay. *The Journal of African History*, 1996, vol. 37, no. 2, pp. 175-194.
6. Robinson F. Crisis of Authority: Crisis of Islam?. *Journal of the Royal Asiatic Society*, 2009, vol. 19, no. 3, pp. 339-354.
7. Amin H. British Muslims Navigating between Individualism And Traditional Authority. *Religions*, 2019, no. 10 (6), pp. 1–15. DOI: 10.3390/rel10060354
8. Lediaev V.G. Vlast': kontseptual'nyi analiz [Power: a Conceptual Analysis]. *Polis. Politicheskie Issledovaniia*, 2000, no. 1, pp. 97-107.
9. Lediaev V.G. Formy vlasti: tipologicheskii analiz [Power Forms: a Typological Analysis]. *Polis. Politicheskie Issledovaniia*, 2000, no. 2, pp. 6-18.
10. Bourdieu P. Genezis i struktura polia religii [Genesis and structure of the religion field]. *Sotsial'noe prostranstvo polia i praktiki*. Moscow, Institut eksperimental'noi sotsiologii; Saint Petersburg, Aleteiia, 2007, pp. 7-75.
11. Bakieva G.T., Kvashnin Y.N. Tobolo-irtyshskie tatars (istoriko-etnograficheskie ocherki) [Tobolo-Irtysh Tatars (historical and ethnographic essays)]. Tobolsk, Institut problem osvoeniia Severa Sibirskogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk, 2009, 60 p.
12. Shteinberg I., Shanin T., Kovalev E., Levinson A. Kachestvennye metody. Polevye sotsiologicheskie issledovaniia [Qualitative Methods. Field Sociological Research]. Saint Petersburg, Aleteiia, 2009, 352 p.
13. Strauss A., Corbin J. Osnovy kachestvennogo issledovaniia: obosnovannaia teoriia, protsedury i tekhniki [Basics of Qualitative Research: Grounded Theory Procedures and Techniques]. Moscow, Editorial URSS, 2001, 256 p.
14. Islam v istorii i kul'ture Tiimenskogo kraia (v dokumentakh i materialakh) [The Islam in the History and Culture of the Tyumen Region (in Documents and Materials)]. Eds. Garifullin I.B., Larkov A.P. Tyumen, Ekspres, 2004, 173 p.
15. Seleznev A.G., Selezneva I.A. Sibirskii islam: regional'nyi variant religioznogo sinkretizma [The Siberian Islam: a Regional Version of Religious Syncretism]. Novosibirsk, Izdatel'stvo Instituta arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk, 2004, 72 p.
16. Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniia – 2010: Natsional'nyi sostav i grazhdanstvo naseleniia v Tiimenskoi oblasti. Tiimenskaia oblast'. Tiimenskaia oblast' (bez avtonomnykh okrugov) [Results of the All-Russian Population Census – 2010: Ethnic Composition and Citizenship of the Population in Tyumen Region. Tyumen Region. Tyumen Region (Without Autonomous Regions)]. Tyumen', Territorial'nyi organ Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki po Tiimenskoi oblasti, 2013, 175 p.
17. Khairullina N.G., Nasyrov R.Kh., Tashkalova V.S., Tychinskikh Z.A. Tatars Tiimenskoi oblasti: istoriia i sovremennost' [Tatars of Tyumen Region: History and Modernity]. Tyumen, Vektor buk, 2011, 310 p.
18. Cherepanov M.S. Ritual "khatym-ash": opyt i perspektivy issledovaniia lokal'nogo islamskogo konteksta ["Khatam-ash" Ritual: Experience and Perspectives of Research in the Local Islamic Context of Tyumen Region]. *Vestnik Arkheologii, Antropologii i Etnografii*, 2020, no. 4, pp. 228-236.
19. Kliueva V.P. Zhizn' v ateisticheskom gosudarstve: musul'manskii obshchiny Tiimenskoi oblasti (1940-1960-e gg.) [A Live in an Atheistic State: the Muslim Communities of the Tyumen Region (1940-1960-ies.)]. *Vestnik Arkheologii, Antropologii i Etnografii*, 2009, no. 10, pp. 117-121.
20. Kابدulvakhitov K. Po sledam tiimenskikh sheikhov: istoricheskoe rassledovanie [In the Wake of the Tyumen Sheiks: Historical Investigation]. Tyumen', Tipografiia Pechatnik, 2005, 238 p.
21. Rakhimov R. Institut Astany [Astana Institute]. *Istoriia i kul'tura tatar Zapadnoi Sibiri*. Ed. G.F. Gabdrakhmanova. Kazan, Institut istorii imeni Shigabutdina Mardzhani Akademii nauk Respubliki Tatarstan, 2015, pp. 519-532.
22. Seleznev A.G., Selezneva I.A., Belich I.V. Kul't sviatykh v sibirskom islame: spetsifika universal'nogo [The Cult of the Saints in the Siberian Islam: the Specificity of the Universal]. Moscow, Izdatel'skii dom Mardzhani, 2009, 216 p.
23. Bobrov I., Cherepanov M. Fragmentatsiia religioznoi vlasti v islame (tiimenskii sluchai na rubezhe XX-XXI v.) [Fragmentation of Religious Power in Islam (the Tyumen Case at the Turn of the XX XXI Century)]. *Vestnik Antropologii, Arkheologii i Etnografii*, 2017, no. 2 (37), pp. 155-162.